

ЛИВОНСКИЙ ПОХОД 1577 ГОДА

Внимание царя Ивана к польским и крымским делам в 70-е годы XVI века вовсе не означает, что он выпустил из поля своего зрения Ливонию и не принимал мер для укрепления и расширения своей власти на этой территории. Ряд факторов, однако, ограничивал его возможности в этом отношении. Сразу после поражения татар при Молодях зимой 1572/73 года Иван IV предпринял большой поход в Ливонию, который завершился взятием стратегически важной крепости Пайде (Вейссенштейн). Этому приобретению царь придавал важное значение: воеводами в Пайде были назначены его близкие дворяне — сначала Василий Федорович Ошанин, двоюродный брат Василия Грязного, а затем Михаил Андреевич Безнин — двоюродный брат Романа Олферьева. Однако на этом пришлось пока остановиться.

Отношения с Крымом и после битвы при Молодях оставались враждебными. Хан демонстративно выслал из Крыма русского посла Афанасия Нагого, «и дела с ним ко царю и великому князю никоторого не приказал». Все это заставляло по-прежнему держать на Оке крупные военные силы. Большой проблемой для русских политиков стало и восстание в Поволжье, которое отнюдь не прекратилось после битвы при Молодях. Зимой 1572/73 года одновременно со своим походом на Пайде царь отпустил бояр и воевод в Казань — на «изменников на казанскую Горную и Луговую черемису». Против «изменников» была послана большая армия из пяти полков во главе с князем Никитой Романовичем Одоевским. Но этот поход не привел к прекращению восстания. О серьезности сложившейся ситуации говорит принятое в Москве в сентябре 1573 года решение вступить в переговоры с «казанскими людьми». Пока в Муроме осенью 1573 года собиралась новая рать из пяти полков, сюда прибыл для переговоров с послами казанских людей ряд первых лиц государства — князь

Иван Федорович Мстиславский, царский шурин Никита Романович, дьяк Андрей Щелкалов. После переговоров, которые были довольно продолжительными и напряженными, в начале следующего 1574 года соглашение было достигнуто, а его условия были закреплены в жалованных грамотах, выдававшихся разным волостям Казанской земли. В них говорилось от имени царя, «что били нам челом всею Казанскою землею за свои вины» и он, «выслушав казанских людей всее Казанской земли челобитье, вины их покрыл своею милостью». В грамотах четко определялись обязанности «казанских людей» по отношению к государству, а наместникам строго предписывалось «обид и насильства... никому ни в чем не чинить и управа чинить в суде безволокитно». Если наместники не станут поступать, как им предписано царем, то царь разрешал «бить челом к нам и мимо бояр и воевод. И яз, царь и великий князь, выслушав их челобитье... от бояр и от воевод оборону велю учинити». В грамотах отчетливо проявилось желание царя закрепить за собой выгодную роль верховного арбитра в спорах между воеводами и населением.

Приведенные тексты не оставляют сомнений, что главной причиной восстания Луговой и Горной черемисы были насилия и злоупотребления властей, управлявших краем. Ценой обещаний и уступок мир в Поволжье был восстановлен, и это позволило Ивану IV возобновить активные военные действия в Ливонии.

Впрочем, и во время вынужденного бездействия царь продолжал обдумывать свои планы относительно Ливонии. В них в то время значительное место продолжал занимать ливонский король Магнус. 12 апреля 1573 года был, наконец, заключен его брак с тринадцатилетней дочерью Владимира Андреевича Старицкого Марией (прежняя невеста Магнуса Евфимия к тому времени умерла). Тем самым датский принц породнился с царским домом. Почетное место на свадьбе принадлежало брату невесты князю Василию, которому дядя пожаловал удел его отца — город Дмитров. Подробное описание свадебного обряда, сохранившееся в «Разрядных книгах», показывает, что царь не требовал от зятя перехода в православие, и в церемонии бракосочетания участвовали одновременно лютеранский пастор и православный священник («обручать и переменять перс[т]ни на месте у короля попу римскому, а княжну обручать попу русскому по греческому закону»). Этот факт, как и некоторые другие, свидетельствует о том, что царь, бывший в теории яростным и непримиримым врагом протестантов, на практике умел находить с ними взаимопонимание и отступать от своей принципиальности в соблюдении религиозных правил, когда находил это выгодным для себя.

Активные военные действия русских войск в Ливонии начались весной 1574 года и были направлены против Таллина — главного центра шведских владений в Ливонии. В результате шведская администрация в значительной мере утратила над ними контроль. По со-

общению таллинского хрониста Балтазара Рюссова, даже «на две мили пути от города» крестьяне просили охранных грамот от русского наместника Пайде и должны были «платить этим русским такие же подати, какие платили своим немецким господам». В следующем 1575 году, когда приняли широкий размах нападения запорожских казаков на Крым и татарские набеги на русские земли прекратились, русские войска перешли к планомерной осаде ливонских замков. 9 апреля русским войскам во главе с Никитой Романовичем сдался Пярну, крупный город и порт на побережье Балтийского моря. Условия капитуляции были очень мягкими: все горожане, которые не желали жить под русской властью, получили возможность удалиться, взяв с собой все свое имущество. Очевидно, в то время планы привлечения населения Ливонии на свою сторону продолжали занимать заметное место в политике царя. И действительно, по свидетельству Рюссова, многие ливонские дворяне «отправились к великому князю в Москву и снова служили ему советом и делом».

В следующем, 1576 году военные действия продолжались. 12 февраля капитулировал Хаапсалу — также крупный порт на балтийском побережье. Шведский король Юхан III к этому времени утратил почти все свои владения в Ливонии, в его руках оставался лишь Таллин с близлежащей округой. Походы русских войск не затрагивали польско-литовских владений в Ливонии. Пока шла борьба за вакантный польский престол, Иван IV избегал шагов, которые могли настроить против него литовскую и польскую шляхту. Когда же «бескорольеве» закончилось избранием Батория, основания для такой сдержанности в значительной мере отпали.

Разумеется, выбор польским королем именно Батория был неудачей для царя, но этой неудаче в Москве пока не придавали большого значения. Положение трансильванского князя на польском троне не представлялось прочным. В Москве было хорошо известно, что польские и литовские магнаты избрали на польский трон вовсе не его, а императора Максимилиана II. От своих дипломатов царь знал, что при дворе императора находятся польские магнаты — его сторонники, которые побуждают императора оружием отстаивать свои права. Кроме того, о непрочности положения нового польского короля свидетельствовали и другие данные: город Гданьск, своеобразная городская республика в составе Польско-Литовского государства, отказался подчиниться его власти, и Баторию пришлось, собрав наемное войско, отправиться под стены этого города, «а панове и земли обе, Польская и Литовская с ним не пошли».

Принимая послов нового короля, сообщавших о его вступлении на трон, царь спрашивал о его здоровье «сидя», не допустил послов целовать свою руку и «ести их не звал». В ответной грамоте царь объяснял, что не может называть короля своим «братом», так как ему по его положению трансильванского князя равняются своим рангом

«Бельские, Мстиславские, Трубецкие и иные», которые служат царю. Позднее бояре объясняли королевским послам, что Баторий не ровня прежним «великим государям», сидевшим на польском и литовском тронах, а его брак с сестрой Сигизмунда II не даст ему никаких прав на трон, «так как сестра королева государству не отчич». Законным наследником этих государей является, напротив, Иван IV, так как эти государи были «по коленству наша братия». Теперь «тово роду не осталось никово», и поэтому Корона Польская и Великое княжество — его «вотчина». За мирный отказ царя от своих законных прав новый король должен оказать ему «почестливость», уступив ту часть Смоленской земли и Полоцкого повета, которые по предшествующим соглашениям оставались в границах Речи Посполитой.

Такой способ обращения с новым королем и его представителями ясно показывает, что царь рассматривал Батория как слабого правителя, которому будет легко навязать мирные соглашения на условиях, выгодных для русской стороны. Такой правитель, по его убеждению, вряд ли мог решиться на продолжение начатого в предшествующие десятилетия спора с Русским государством из-за Ливонии. Следовало лишь поставить его перед свершившимся фактом, установив русскую власть на тех территориях Ливонии, на которых еще действовала администрация Речи Посполитой.

Прежде чем царь в 1577 году приступил к реализации этой идеи, была предпринята очень серьезная попытка полностью уничтожить шведскую власть на территории Ливонии. Под властью шведов здесь оставался только Таллин, и зимой 1576/77 года русские войска были посланы овладеть этим городом. 22 января началась осада. Во главе армии встал молодой родственник царя, сын князя Ивана Федоровича Мстиславского Федор, даже не имевший боярского сана, но настоящим командующим армии был боярин Иван Васильевич Меньшой Шереметев, один из тех, кого еще несколько лет назад царь обвинял в тайных сношениях с Крымом. В Москве были настроены очень серьезно. По сведениям, которыми располагали в Таллине (показания русских пленных, записанные таллинским хронистом Балгазаром Рюссовым), под стенами города была собрана большая часть русской тяжелой артиллерии, а Иван Васильевич Шереметев обещал царю или взять город Ревель, или не являться живым перед его лицом. Город обстреливали калеными ядрами, рассчитывая вызвать пожары, но ни вызвать пожары, ни сделать проломы в городских стенах не удалось. Боярин Иван Васильевич Шереметев скончался от ранения ядром, и 13 марта 1577 года русские войска вынуждены были снять осаду.

Это была серьезная неудача в ливонской политике царя, но на его планы она не повлияла. Еще 10 февраля 1577 года Иван принял решение о походе на юг Ливонии, на земли, находившиеся под властью

Речи Посполитой. Весной на западной границе начался сбор войск для похода, а 21 апреля из Москвы на запад направился сам царь. Его сопровождал весь его двор, великий князь тверской Симеон Бекбулатович и многие бояре. Сбор большого войска, в состав которого вошли не только дворняжские ополчения многих уездов, но и отряды казанских и ногайских татар, занял довольно много времени. Лишь к концу июня все предназначенные для похода полки собрались в районе Пскова, куда прибыл царь.

9 июля 1577 года перед выступлением в поход Иван IV отправил грамоту князю Александру Полубенскому, управлявшему польско-литовскими владениями в Ливонии в отсутствие «администратора» — наместника Яна Иеронимовича Ходкевича. Эта грамота занимает особое место в письменном наследии царя — в последний раз он рассуждал о характере и природе государственной власти. В грамоте царь говорил об эволюции, изменении характера государства с общим развитием человечества, как его понимали в средневековой исторической традиции. Эти рассуждения были, по-видимому, результатом чтения томов «Лицевого свода» — многотомного иллюстрированного изложения мировой и древнерусской истории, создававшегося как раз в 70-е годы XVI века по заказу царя.

Государство в представлении царя возникает «неблагочестне» — в условиях, когда человечество, проявив неповиновение воле Бога, оказывается во власти дьявола, который «во своей воле нача водити человечество». Тогда-то и появляются первые «мучители и властодержцы и царие».

Но Бог оказался милостив и согласился принять во внимание человеческое несовершенство. Так, например, «сходя к немощи их», он согласился на то, чтобы люди приносили жертвы, «токмо бы истинному Богу жертвы творили, а не бесом». Тогда же, и опять «сходя к немощи человечестей», Бог «царство благослови», вверив власть над Израилем царю Давиду. В дальнейшем Бог оказал благоволение и императору Августу — «своим Рождеством и Августа кесаря прослави... и распространи его царство». В целом, однако, цари — носители власти, «все дьяволу поработившися» и преследовали учеников Христа и вообще христиан, подвергая их казням и мучениям. Так продолжалось до тех пор, пока Бог не воздвиг «благочестия корень — великого во благочестии сияюща Костянтина Флавия царя» — императора Константина Великого, «царя правды христианска», тогда соединились «священство и царство воедино». Позднее таким же образом Бог избрал и Владимира Киевского, «как царя правды христианска», а его законным преемником являлся сам Иван IV.

История человечества выступает в сознании царя как история глубокого изменения характера «царства» — созданное под властью дьявола, а затем терпимое Богом лишь во внимание к человеческому несовершенству царство превращается в избранное орудие Божьей во-

ли, утверждающее во всем мире истинную веру. Послание Грозного производит впечатление полемики со сторонниками иных взглядов, которые, считая государство созданием дьявола, сомневались в его высоком назначении. Доводы царя должны были эти сомнения рассеять. Почему эти рассуждения он поместил во вступительной части грамоты литовскому гетману, так и останется, вероятно, загадкой.

Основной текст грамоты резко отличается по своему тону от возвышенного, торжественного изложения вводной части.

Царь издевался над официальным титулом Полубенского — «вице-регент земли Инфлянские, справца рыцарства вольного». Вольные люди — это бродяги, поэтому Полубенский должен был бы называться «справца над шибеницыными людьми, которые в Литве ушли от шибеницы (виселицы. — Б.Ф.)». Царь припоминал Полубенскому и совершенные им в недавнем прошлом дурные деяния: в 1569 году, выдав себя и своих людей за опричников, Полубенский захватил псковский пригород Изборск, где его солдаты ограбили местные храмы. Поступив так, констатировал царь, Полубенский «отступил от крестьянства». Однако милость Божия вернула царю его древнюю вотчину, «а ваша надежда — Крон и Зевс... ни во что же бысть». Убеждение царя в том, что те, кто выступает против него, тем самым ставят себя вне христианского мира, оказываются оружием враждебных христианству сил, нашло в грамоте Полубенскому еще одно яркое выражение.

Та часть грамоты, ради которой она собственно и была написана и послана, была по-деловому лаконична. Ставя в известность Полубенского, что он направляется «своих вотчин рассмотреть», царь предлагал, чтобы гетман «из наши бы еси вотчины из Лифляндские земли поехал со всеми людьми». В этом случае русские войска их не тронут. Царь хотел, по возможности, удалить польско-литовские войска с территории Ливонии мирным путем, рассчитывая, что в этом случае правящим кругам Польско-Литовского государства будет легче примириться с утратой «Инфляндской земли».

Когда 13 июля русская армия двинулась из Пскова в поход на юг, в ливонские замки, лежавшие на ее пути, стали посылать царские грамоты с предложением сдать их русским войскам. Царь обещал в этом случае, что гарнизонам этих городов «казни некоторые не будет» и они свободно смогут уйти в Речь Посполитую. Стоящие в замках польской Ливонии гарнизоны, небольшие по численности, плохо снабжавшиеся и не получавшие своевременно жалованья, не могли оказать серьезного сопротивления русской армии и не горели желанием это делать. Замки сдавались один за другим. Царь размещал в них свои гарнизоны и артиллерию, отдавал распоряжения о строительстве православных храмов и двигался дальше. Обещания его исполнялись: сдавшихся в плен польских и литовских людей отсылали в Речь Посполитую. Иногда при этом царь даже жаловал их шубами.

К середине августа войско вышло на берег Западной Двины. Здесь у города Чествина русское войско впервые встретило сопротивление. Город был взят штурмом, и расправа с гарнизоном и населением оказалась жестокой: часть пленных царь «велел... по кольям сажать», а других приказал «роспродать татаром и всяким людям в работу». Жестокость расправы говорит о том, что царь полагал спор из-за Ливонии законченным и не считал теперь нужным тратить усилия на приобретение симпатий ее населения. Новым подданным было наглядно показано, что их ждет, если они не будут оказывать надлежащего повиновения новой власти.

Когда 25 августа царь со своим войском подошел к городу Кокнезе (Куконосу) на Западной Двине, ему стало известно о совершенно нежелательной активности его вассала, ливонского короля Магнуса. Воспользовавшись распространившимися слухами о походе русской армии, Магнус, желая увеличить свои доходы и владения, предложил многим городам польской Ливонии, чтобы избежать прямого подчинения русской власти, подчиниться ему, Магнусу. Уговоры оказались успешными. Население более десятка городов и городков выгнало польско-литовские гарнизоны и подчинилось представителям Магнуса, территория его «Ливонского королевства» сильно увеличилась. К числу этих городов принадлежал и Кокнезе, под стенами которого остановились русские войска. Все эти действия Магнуса были предприняты без одобрения и без ведома царя, что, конечно, не могло не вызвать его неудовольствия. Если бы исход борьбы за Ливонию оставался неясным и царь нуждался бы в расположении ливонцев и союзе с Данией, он, вероятно, попытался бы скрыть свое неудовольствие и даже похвалил бы Магнуса за активность. Но к 1577 году, по мнению царя, спор о Ливонии решился окончательно в пользу России. Магнус и его Ливонское королевство становились ненужными. Напротив, ливонскому населению следовало ясно и недвусмысленно показать, кто является подлинным хозяином в стране.

Прежде всего царь в самой резкой и грубой форме поставил Магнуса на место. Без всяких обиняков он дал понять, что новые города будут у Магнуса отобраны, а если Магнусу недостаточно тех владений, которые ему выделил царь, «и ты поездь в свою земель Езель (остров Сааремаа, переданный Магнусу датским королем. — *Б.Ф.*) да и в Дацкую землю за море». Царь потребовал, чтобы Магнус явился к нему, и отдал его под стражу. По свидетельству Балтазара Рюссова, «царь велел отвести его вместе с его придворными в старую хату без крыши, где он должен был лежать на соломе пять суток, а придворные день и ночь ждали своей смерти». После этого царь разрешил Магнусу уехать в свои владения. Расправа с населением городов, присягнувших Магнусу, была также жестокой. Так, приближенных Магнуса в Кокнезе царь приказал казнить, а горожан «распродать татаром и всяким людем».

Среди городов, перешедших на сторону Магнуса, была и крепость Валмиера (Вольмар), где находился незадачливый «вице-регент» князь Александр Полубенский. Местные горожане схватили его и выдали Магнусу. Узнав о местонахождении пленника, царь послал за ним своего думного дворянина Баима Восейкова и сумел получить Полубенского в свои руки. К тому времени в нескольких городах Ливонии еще находились польские гарнизоны, и царь воспользовался пленником, чтобы склонить их к сдаче. В эти города вместе с царскими грамотами были посланы письма от Полубенского, который предлагал своим подчиненным сдаться, так как «нет нам отсеки ни надежи... от панов-рады, ни от гетманов, ни от земли Польские и Литовские», а своими силами сопротивляться русской армии невозможно. Подчиненные вняли его советам и сдали свои замки русским воеводам.

Иван IV мог быть доволен результатами похода. Теперь вся территория Ливонии на север от Западной Двины и Риги находилась под русской властью, и появились серьезные основания для надежд, что и Рига вынуждена будет подчиниться власти царя. В Ригу была отправлена царская грамота рижскому магистрату и городской общине («поспольшеству»). Извещая о том, что ливонская «вотчина» уже под его властью, царь сообщал, что он на время «меч свой поунял», ожидая от жителей Риги изъявления покорности.

Окончание похода ознаменовалось 10 сентября пиром, который царь устроил в Валмиере. На пиру вместе с воеводами и дворянами из царского войска присутствовали князь Александр Полубенский и «вся литва», которая сдалась русским воеводам по его совету. Царь «давал им шубы и кубки, а иным ковши жаловал», а затем отпустил их в Речь Посполитую. Вместе с Александром Полубенским царь отправил в Речь Посполитую целый ряд посланий.

Полубенский вез с собой грамоты царя королю Стефану Баторию и своему непосредственному начальнику — «администратору» Яну Иеронимовичу Ходкевичу. Грамота королю была короткой и довольно сухой по тону. Царь ставил короля в известность, что «мужики Лифляньские земли, нам большую свою израду являючи, подклонились под Литовскую руку», но теперь «мы ту свою отчину Лифляньскую землю чистили». «И ты б, — писал Иван IV Баторию, — о том досаду отложил и с нами нежитья не хотел, занеже то не при тебе делалось».

Совсем иным по тону было письмо Яну Ходкевичу. Этот уникальный в письменном наследии Ивана IV текст показывает, каким был эпистолярный стиль царя, когда он хотел произвести благоприятное впечатление на своего корреспондента. «Мужнейей храбрый и велемудрый и дородный» — такими словами открывалась царская грамота. Царь давно «дивился» его «храборству» и «искахе еже любити тя и жаловати». Он с особой похвалой отзывался об отваге, проявленной

Ходкевичем при осаде русской крепости Улы в 1568 году. «Муж веле-разумный и храбрый» не должен огорчаться тем, что от него «отошла» Ливонская земля: «А убытка тебе здесь ни в чом нет, и ты б о том не кручинился». Гораздо лучше «сия смущения отложить и промысляти о покое христианском», а мир, давал понять царь, вполне возможен, если Речь Посполитая не будет пытаться восстановить свою власть в Ливонии.

Тон письма ясно показывает, что царю хотелось бы избежать возобновления войны, добиться того, чтобы Речь Посполитая согласилась признать новые границы, установившиеся после его похода в Ливонию. Эту цель преследовали и те миролюбивые жесты по отношению к Речи Посполитой, которые он неоднократно предпринимал во время похода. Мнению короля он явно не придавал при этом особого значения. Этому правителю, не «природного», наследственного, а выборного государя, Иван считал игрушкой в руках магнатов, которые и будут решать вопрос о войне или мире с Россией и которых поэтому царь пытался заранее расположить к себе.

Наряду с этими грамотами «государственного» значения, связанными с вопросами большой политики, Полубенский повез с собой еще ряд царских грамот, появление которых можно объяснить только особенностями характера Ивана IV. Это были грамоты, посланные царем изменникам — ливонцам Таубе и Крузе, беглому стрелецкому голове Тимофею Тетерину, князю Андрею Михайловичу Курбскому. Никакой необходимости в посылке этих грамот не было и никаких практических последствий они иметь не могли. Но в этот момент триумфа, когда, несмотря на все трудности, царь почти добился достижения цели, к которой он стремился много лет, Иван не мог отказать себе в удовольствии взяться за перо, чтобы указать изменникам на то, сколь тщетными оказались все их направленные против него интриги, в каком жалком положении оказались они сами.

Тетерина, принимавшего участие в захвате Изборска, царь издевательски называл «богатырем» и иронически спрашивал: «Чего для ныне за Двину в Литву побегал?» Зловещей издевкой звучали и последующие слова послания, пародировавшие последние слова послания, некогда отправленного царю покровителем Тетерина — Курбским. Свое послание Курбский закончил тем, что он надеется найти во владениях Сигизмунда Августа покой и утешение «от всех скорбей». «А вам ныне, — писал царь Тетерину, — пригоже на покое том нас тут дожидатца, и мы б вас от всех ваших бед успокоили».

Таубе и Крузе царь напоминал, как они, нарушив свои клятвы и презрев его милости, называли Ливонию Иерусалимом и заявляли, что хотят освободить ее от власти «Вавилона» — России. Но Бог вернул царю его прежнюю вотчину, «а вам по еросалимски дарует: сами ся бьете и жжете».

В глазах царя произошедшие события имели особое, символиче-

ское значение. Этот вопрос царь не хотел (да и не было смысла) обсуждать ни со «страдником» Тетериным, ни с беглыми ливонскими наемниками. Но царь испытывал глубокую потребность указать на это символическое значение Курбскому, который позволил себе публично усомниться в том, что он, царь Иван IV, является избранным орудием исполнения божественной воли. Теперь сам Бог положил конец их спору, свидетельство его воли ясно читается в происшедших событиях. «Вспоминаю ти, княже, со смирением: смотри Божия смотра величества» — такими торжественными словами начинается текст царской грамоты Курбскому. «Божие смотрение» — это божественный промысел, чудесное вмешательство Высшей силы в происходящие события, по которому можно узнать Божью волю. Бог, говорит царь, «ныне грешника мя суша и блудника, и мучителя, помилова и животворящим своим крестом Амалека и Максентия низложи». (Амалекитяне — народ, враждебный Израилю; Максенций — римский император-язычник, противник Константина Великого, здесь они выступают синонимами врагов истинной веры.) Проявление Божьей воли царь видел в том, что ливонские замки без сопротивления сдались его войску: «Не дожидаютца грады германские бранново бою, но явлением животворящего креста наклоняют главы своя». Поэтому — «не моя победа, но Божья». Курбский должен задуматься над этим явным свидетельством расположения Бога к царю, над тем, куда может его завести противодействие государю, который осуществляет Божью волю. Царь и посылает Курбскому грамоту — «к воспоминанию твоего исправления, чтоб ты о спасении душа своя помыслил».

В посланиях царя этого времени ясно ощущается еще одна интонация — ощущение ликования и триумфа в связи с достигнутыми успехами. Даже в послании Яну Ходкевичу, когда речь зашла об успехах, достигнутых в Ливонии, царь, явно выпадая из избранного им дружественного тона, с энтузиазмом писал: «В нашей отчине Лифлянской земле... нет того места, где б не токмо коня нашего ноги, и наши ноги не были, и воды в котором месте из рек и озер не пили емя; но все то з Божию волею под наших коней ногами и под нашим житием учинилося». Знакомство с содержанием всех этих грамот позволяет говорить о царе как человеке, впадшем в состояние какого-то странного ослепления относительно реального положения дел. Ослепление это, как представляется, было вызвано тем, что царь долгое время желал успехов, которые дали бы не только ему самому, но и всем новое доказательство того, что он избран Богом, и когда эти успехи наконец пришли, он так им обрадовался, что оказался не способен оценить их реальное значение.

Не было никакого чуда в том, что небольшие гарнизоны слабо укрепленных ливонских замков сдались без боя 30—40-тысячной русской армии во главе с самим царем. Легко достигнутая победа немно-

гого и стоила. Царь полагал, что теперь, когда русские войска заняли почти всю территорию Ливонии на север от Западной Двины, соседние государства — Речь Посполитая и Швеция должны будут молчаливо согласиться со сложившимся положением дел. Но эта надежда фактически ни на чем не основывалась. Ливонский поход царя Ивана не нанес противникам Русского государства такого серьезного удара, который заставил бы их отказаться от продолжения борьбы за Ливонию.